

ИГРЫ ОЗАРЕННЫХ

Привязанная

Яна Озара

Яна Озара

Привязанная. Игры Озаренных

«Издательские решения»

Озара Я.

Привязанная. Игры Озаренных / Я. Озара — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688424-3

Что, если жизнь — не прямая линия, а замкнутая петля? Веревка погибает под Новый год и рождается в ином мире, где Темный Блик дышит тенью, а солнце светит ярче янтаря. Здесь у нее та же внешность и та же семья, но память о прошлой жизни тянется, словно ледяная полынья. Зачем ее вернули, где искать ответ? И какую цену придется заплатить за свет? Как развязать узлы, чтобы не сгореть дотла? Ведь впереди — Игры Озаренных, и решается ее судьба.

ISBN 978-5-00-688424-3

© Озара Я.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Уровень Земля	7
Глава 2. Уровень Ирд	15
Глава 3. Тени Сервитуса	19
Глава 4. Обитель	23
Глава 5. Подмастерье	28
Глава 6. Узлы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Привязанная. Игры Озаренных

Яна Озара

© Яна Озара, 2026

ISBN 978-5-0068-8424-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*Иногда жизнь не обрывается.
Она просто делает круг.
Там, где миры существуют рядом,
лишь тонкая грань отделяет исход от истока.*

*Эта история начинается не с первой страницы
и не обрывается на последней.
Каждое имя в этом мире имеет причину.
Каждая встреча – не случайна.
А выбор, сделанный однажды, отзывается эхом там,
где его давно не ждут.*

*Здесь смыслы прячутся глубоко —
не потому, что их скрывают,
а потому, что к ним нужно прийти.
Ответы не лежат на поверхности
и редко принимают облик, который мы им прочили.*

*Эта книга – лишь одна нить в полотне.
Её можно пройти как отдельный путь —
или прочесть как часть мира,
где все судьбы стянуты в единый узел.*

Примечания автора:

«Игры Озаренных» – первая книга трилогии «Привязанная». История развивается постепенно: от тихого, почти незаметного начала – к нарастающему напряжению и внутренней трансформации героини.

Книга о перерождении, наследии травм, привязанностях и страхах, которые могут удерживать человека на дне – или стать точкой роста.

В тексте много символики, смысловых названий и культурных отсылок; психологический и метафизический слой здесь играет ключевую роль.

Эта история может откликнуться не каждому. Но если вы войдёте в эту дверь – возможно, вам захочется остаться.

Все книги трилогии «Привязанная» доступны на этой платформе.

1-я книга: «Привязанная. Игры Озаренных»

2-я книга: «Привязанная. Острова Семиры»

3-я книга: «Привязанная. Узел Страх»

Глава 1. Уровень Земля

Никто не любит ноябрь. Он тянется, как сырое полотно, пахнет мокрой землей и ржавчиной. Но именно этот месяц для меня всегда был особенным. Словно в его тумане пряталась тайна, известная только мне.

Вот-вот город накроет белоснежное покрывало, превращая унылые улицы в зимнюю сказку. А когда сгущаются сумерки, снежные кристаллы переливаются так ярко, что кажется, ночь не наступает – город тонет в вечном зимнем вечере.

Заходишь в дом отогреться. Свернешься калачиком у камина, наслаждаясь полудремотой. Под звук догорающих поленьев тело медленно начинает оттаивать. Это – тепло зимы. Не жар и не зной, как бывает летом, а именно тепло, согревающее душу.

Зима – мистическая стихия. Даже запах осенней листвы вызывал у меня не приступ меланхолии, а скорее воспринимался как трепетное предвкушение. Как будто должно наступить что-то важное.

За окном светало. Сердитые, пузатые тучи заволакивали предрассветные лучи – надвигался снегопад.

В доме непривычно тихо. Тихо, и безумно тоскливо от мысли, что придется навсегда привыкнуть к звуку пустоты и одиночества. Хоть бы заполнить его чем-то: собственными шагами, журчанием воды из-под крана или звоном фарфоровой чашки.

После бессонной ночи хорошо бы поспать немного, но боюсь провалиться в свой личный, вечный кошмар и опять увидеть ту жуткую, безгубую ухмылку. Даже не ухмылку, а ровный штрих на лице, будто рта нет совсем, только темная щель.

Пальцы нащупали седую прядь и неторопливо вплели ее в косу, отделяя от медных локонов. На миг я задержала взгляд на своих руках – таких же усталых, как мысли.

В зеркале отражался силуэт усталой женщины с бледным, почти прозрачным лицом и опухшими от слез фиолетовыми глазами. От кого мне достался этот странный оттенок, обычно вводивший людей в ступор, было загадкой даже для родителей. Врачи разводили руками: мутация, мол, бывает.

Припудрив опухший, вздернутый нос, я натянула первую попавшуюся толстовку и джинсы. Придется сегодня выйти из дома. Злата, моя сестра, редко бывала в нашем городе, и я не могла отменить эту встречу.

Мы договорились встретиться в одном из неприметных кафе, недалеко от Центрального парка.

Я огляделась по сторонам и облегченно выдохнула. Хорошо, что в это время здесь было мало народу – не люблю лишнее внимание. Устроившись у окна с чашечкой кофе с лёгким ванильным ароматом, я принялась ждать свою вечно опаздывающую сестру.

– Привет, Веря, извини, что опоздала. Как ты? – выпалила Злата, на ходу снимая пальто и стряхивая первые ноябрьские снежинки.

Я подняла взгляд от чашки. Если не знать, что моя сестра актриса, ее можно было бы принять просто за привлекательную кареглазую девушку среднего роста с аккуратно уложенными соломенными кудрями.

– Привыкаю потихоньку, – пожалала плечами я.

– Что на него нашло, Веря? – Злата уже устроилась напротив, жестом подзывая официанта. – Взял вот так просто, собрал вещи и ушел? Андропауза в ребро? Или у него другая?

Сжав пальцы на чашке, я почувствовала, как ее тепло обжигает кожу.

– Не знаю. Может, и есть, – вздохнула я. Голос все равно дрогнул.

– Не переживай, сестренка, может, еще наладится, – Злата мягко накрыла мою руку своей. – Ты скажи только, может, я могу чем-то помочь?

Я покачала головой.

– Думаю, на работу устроиться. Только вот кто возьмет меня без опыта после сорока?

– Не выглядишь ты на сорок, – сестра всплеснула руками. – Поверь мне, боссы в шеренгу построятся. Ты, кстати, сильно похудела. Он что, тебя совсем не кормил?

Фыркнув, я не удержалась от легкой улыбки.

– Да ладно тебе. Влас же не изверг все-таки.

Она откинулась на спинку стула, прищурилась, будто изучая меня заново.

– Ты как, рассказывай? – добавила я, радуясь, что разговор наконец сместился в ее привычную стихию.

– Да как? Устала как лошадь. Эти съемки бесконечные. Папарацци – как крысы, везде шныряют. – Злата сделала глоток кофе и посмотрела в окно, о чем-то раздумывая. – Ты думаешь, наверное, вот она – красивая жизнь! Как же, красота! Чем дальше я живу, тем понимаю: ну не мое это, и все! Я ведь терпеть не могу зубрить сценарии, а потом работать по двадцать часов в сутки, месяцами жить в трейлере, как бродячая собака. Даже душ принять нормально нельзя! Да и таланта у меня особого нет, наверное. Ни одной нормальной роли.

– Ты просто устала. Может, тебе отдохнуть, съездить куда-то? – осторожно предложила я.

Сестра потеряла виски, будто пыталась стереть усталость.

– Какой там отдых! Время у меня, что ли, есть? – фыркнула она, по привычке скручивая салфетку в тонкую трубочку.

Она замолчала на секунду, собираясь с духом. Потом подняла на меня взгляд – настороженный, но решительный.

– Веря, я хотела у тебя спросить... О маме. Помнишь ее последние дни? – голос Златы стал тише. – Она ведь в бреду все путала нас с тобой. Так вот, мама все время просила у тебя прощения. Что-то говорила про работу, про деньги... У меня ощущение, что ты мне что-то не договариваешь. Мы ведь семья, Веря. Я давно уже не маленькая, хватит секретов, ладно? – она выдохнула, сжала салфетку в кулаке. – Ведь то, что с тобой случилось двадцать лет назад, это же была не авария?

Я почувствовала, как холодок скользнул по спине. Мир сузился до стука ложек в чашках за соседним столиком.

– Ты действительно хочешь это знать? – спросила я, не отрывая взгляда.

– Веря, прошу тебя, расскажи мне правду.

– Хорошо, – наконец произнесла я. – Я практически ничего не помню... но все же есть кое-что, о чем я тебе не говорила. Это была не авария, Злата...

– Веря, ты дома?

Дверь хлопнула. В воздухе завис резкий, кислый запах маринованных огурцов и морозный вдох лестничной клетки.

– Я на кухне, мама, – отозвалась я, отставляя недопитую чашку. – Ну как там Злата, документы подала?

– Документы-то подала, – мама опустила пакеты на линолеум и тыльной стороной ладони вытерла лоб. – Но сдаст ли экзамены?

Я невольно улыбнулась. Все мое детство мама была уверена, что Злата станет актрисой. Когда-то она отвела ее к гадалке – и та, получив щедрую оплату, напроорочила: «Ее имя будет на афишах».

Со временем эта фраза стала нашей семейной мантрой. Бальные танцы, вокал, театральные кружки – Злату готовили к славе с фанатичным упрямством.

Мама вздохнула, села напротив, даже не расстегнув пальто. Холод коридора еще цеплялся за ткань ее рукава.

– Веря, когда я ждала Злату, в холле судачили... говорят, нужно кое-кому заплатить, иначе не возьмут.

Я подняла взгляд. Посудная рутина ушла на второй план.

– Почему ты так уверена, что она не пройдет сама?

– Нет, в Злате я уверена, – покачала головой мама. – Просто... я боюсь рисковать. Вдруг провалит? Ты же понимаешь, Веря, она этого не переживет.

Я кивнула. Конечно, понимаю. Мне не привыкать.

– Сколько нужно, мам? – спросила я, стараясь сделать голос ровным. Даже улыбнулась, пытаясь развеять запах безысходности, повисший над столом.

– Много, – вздохнула мама, потирая замерзшие руки. – У нас нет таких денег.

Я вытерла мокрые пальцы о кухонное полотенце. Вода стекала по коже, теплая и липкая, как внезапная тревога. – Может, занять у кого-то?

– У кого? – Она резко подалась вперед, словно я предложила нелепицу. – Надо ведь срочно! Молчание расплылось между нами, невидимое, но обжигающее, как пар от забытой на плите кастрюли.

– И что нам теперь делать? – спросила я, следя, как капля воды с тихим звоном падает на дно мойки.

– Тут такое дело, Веря, – мама помедлила, не решаясь убрать сумку. Она смотрела на дверной косяк, избегая моего лица. – Мужик один в холле был. Работу предлагал. Я оторвала взгляд от раковины.

– Какую работу? – спросила я, чувствуя, как в груди стягивается пружина осторожности.

– Вечеринка какая-то, – начала она. – В особняке. Им официантки нужны – молоденькие, симпатичные. Для престижа, говорит. За неделю можно заработать, как за пару месяцев.

– Ну нет, мам, – я покачала головой. – Мошенник. Так не бывает. Что-то тут нечисто.

– Но хотя бы узнать можно, – упрямо пробормотала она, роясь в кармане пальто. – Вот, визитку дал. Нужно приехать в офис, контракт подписать. После – зарплату авансом. Может, попробуешь, Веря? Давай вместе сходим, просто узнаем?

Я уставилась на блестящую картонку в ее пальцах. Позолоченный шрифт, дешевый логотип – с первого взгляда фальшивка.

– А почему я, а не Злата? – спросила я тихо.

Мама подошла ближе. В ее глазах промелькнула тень усталости, от которой сразу стало неловко. Она провела рукой по моим волосам, убрала выбившуюся прядь за ухо – жест из детства, когда я болела. От этого тепла внутри защемило.

– Златочка сейчас поступает, – мягко сказала мама. – Ей не до этого. И потом, мы же одна семья. Не чужая тебе она все-таки, а сестра. Вот станет знаменитой – и тебя пристроит.

Я глубоко вдохнула, сжимая кулаки под столом. Слово «пристроит» застряло в ушах, как гвоздь.

– Мама, пожалуйста, не надо меня никуда «пристраивать». Хорошо. Давай сходим. Посмотрим. Но я ничего не обещаю.

Мамино лицо озарила мгновенная, почти болезненная радость.

– Доченька, я знала, что ты мне не откажешь! – Она торопливо села рядом, положила ладонь поверх моей. – Только... Злате не говори, ладно?

Тупая боль вырвала меня из темноты. Я долго не могла понять, где нахожусь. В нос ударил резкий, едкий запах антисептика, смешанный с холодом пластика и металлической

кровью. Серые стены, слабый свет, пробивающийся сквозь жалюзи, ритмичный гул капельницы – все казалось чужим. Горло пересохло, губы потрескались. Тело ощущалось ватным, чужеродным.

В коридоре послышались шаги. Я попыталась позвать, но из горла вырвался лишь слабый, сухой хрип.

Дверь тихо отворилась. Вошел мужчина в белом халате – пожилой, с усталым лицом и нереально яркими, синими глазами. На щеке я заметила тонкий шрам, похожий на старый, затянувшийся ожог.

– Вы меня слышите? – спросил он мягко. – Меня зовут Виталий. Можно просто Вит. Я ваш лечащий врач. Как себя чувствуете?

– Все... болит, – прохрипела я, с трудом узнавая свой голос.

– Помните, как вас зовут?

– Да. Веря. Где я?

– В городской больнице. Вас нашли неделю назад возле сгоревшего особняка. В доме погибло много людей. Вы несколько дней были без сознания.

Слова отдавались в голове глухим гулом.

– Я... ничего не помню, – одними губами прошептала я.

– У вас в крови нашли следы психотропных веществ, – добавил он, глядя поверх очков.

– Психотропных веществ? – переспросила я и внутри что-то дернулось. Резкость словно сбили с объектива. Белые стены поплыли, капли в капельнице растянулись в световые нити. Горячие, соленые слезы прорвались сами собой. Я уже не пыталась сдерживаться.

Доктор Вит подошел ближе.

– Не надо, Веря, – шепнул он и опустил на стул рядом, будто боялся спугнуть. Его пальцы коснулись моей руки – осторожно, почти невесомо. – Все будет хорошо. Обещаю.

Мне захотелось улыбнуться, но губы задрожали.

– Я не могу себя простить, доктор Вит. Где у меня были мозги? Я же чувствовала, что там нечисто... – Слезы душили. – И теперь эти шрамы... Кому я буду нужна?

Доктор тяжело вздохнул, устало снимая очки. – Ошибки, Веря, – это то, что делает нас живыми. Без них мы становимся тенью.

– Но все могло быть иначе, если бы я тогда...

– Что тогда? – Его голос стал чуть тверже. Он наклонился ближе. – Ты сама себе это сделала?

– Нет, конечно...

– Ну вот. Не вини себя за то, чего не совершала. – Он накрыл мою ладонь своей. – А за шрамы не переживай. Они заживут. Не сразу – но обязательно заживут.

Я едва заметно кивнула. Его ладонь была горячей, почти родной. Тепло разлилось по коже, разгоняя оцепенение и возвращая дыхание. И впервые за долгое время мне показалось, что я все еще нужна этому миру.

В кафе стало душно. Злата только что ушла, ей потребуется время, чтобы переварить услышанное.

Домой идти не хотелось. Я свернула в сторону парка, решив немного прогуляться.

Снежинки медленно опускались, но, едва коснувшись асфальта, тут же таяли. Липкий ручеек тоски докучливо расплзался по телу, раздражая и опустошая.

В глубине парка стояло большое здание в классическом стиле. Местные называли его «Клуб моряков», хотя моряков здесь никто никогда не видел. Фасад поддерживали ионические колонны – словно титаны, держащие небо. Массивный тимпан покоился на их плечах, отбра-

сывая длинную тень. Двор с тыльной стороны раскрывался буквой «П», а по краям к крыше вели две широкие симметричные лестницы.

Здание пустовало много лет, но зато двор полюбила местная детвора. Летом они разрисовывали мелками асфальт, а зимой залитые водой лестницы становились ледяными горками. Ребяшня скатывалась на крышках от ведер, разнося по парку грохот и визгливый смех.

Я присела на ступени. Внезапно откуда-то снизу послышалось шевеление, а затем удушливый, мокрый кашель. Пытаясь понять источник звука, я спустилась во двор. Под лестницей лежал человек.

В нос резко ударил тяжелый запах перегара, кошачьей мочи и грязных, прелых тряпок. Захотелось немедленно покинуть это место, но я словно приросла к земле. Непонятно откуда налетел ледяной порыв ветра. Он впитался в кожу, связывая руки и ноги невидимыми, тонкими нитями. И в голове проявилась четкая, как приговор, мысль: *«Я не могу сейчас просто взять и уйти»*.

Новый приступ кашля из-под лестницы отрезвил меня. Обвязав лицо шарфом, я осторожно подошла к человеку и коснулась его лба холодной рукой. Он слегка вздрогнул. Температура была явно под сорок.

Что же делать? Хотелось поскорее уйти. Но вместо этого в животе тревожно заняло ощущение... причастности.

– Вот что, дружище, а ну-ка подымайся! – Я попыталась сдвинуть его с места.

– Оставь меня в покое, малявка, – сипло ответил мужчина. Он поправил слипшиеся колтуны неопределенного цвета, шмыгнув носом и достал папиросу. Я заметила, что на левой руке, квадратной и широкой, как лопата, отсутствует большой палец.

– У тебя температура, – сказала я твердо. – Если я оставлю тебя здесь, ты долго не протянешь.

– А тебе какое дело?

– Нет, так дело не пойдет. А ну давай, вставай, опирайся на меня.

Он что-то неразборчиво проворчал в ответ, но все же медленно поднялся. До моей машины тут недалеко, как-нибудь дотянем.

Спустя полчаса мы добрались до больницы. Отделение скорой помощи пустовало – сезон гололеда еще не начался.

– Добрый вечер! Мне нужна помощь, у меня в машине мужчина с очень высокой температурой и кашлем, – и добавила на всякий случай, вложив в голос максимум драмы: – Он умирает!

– Паспорт и полис есть? – вяло поинтересовалась дежурная за стойкой.

– Не знаю, наверное, нет.

– Бомж, что ли? Если бомж, то в диспансер.

Регистратор нахмурилась, смерив меня взглядом с головы до ног – словно решала, стоит ли связываться с этой проблемой.

– Женщина, понимаете, у него температура под сорок и кашель ужасный. Нельзя ему в диспансер. Может, я вам заплачу? – Я пожалала плечами, стараясь выглядеть беспомощно.

– Пьяный?

– Не думаю... Ну, пожалуйста, возьмите его.

Она цокнула языком, раздраженно глянула в сторону и наконец произнесла: – Ладно. Сейчас позову санитаров.

Белый, мертвый свет лампы уныло заливал больничную палату, обнажая каждую трещинку на стенах. Я попыталась открыть глаза, но сил хватило лишь на то, чтобы ощутить их тяжесть.

Спустя неделю после встречи со Златой меня привезли сюда с отеком легких. Лихорадка терзала тело: то пекло сухим жаром, то знобило до костей.

– Надо же, читал ее медкарту, – проговорил молодой врач, поправляя очки. – Двадцать лет назад, после той ужасной истории, доктор Вит ее буквально по кускам собирал. И выжила! А теперь... обычная инфекция. Я не понимаю. Она же еще молодая, здоровая... должна выкарабкаться.

– Иногда люди уходят, потому что жить им не ради кого, – еле слышно прошептал женский голос. – А для себя... они не умеют.

– А я помню ее... Пару недель назад к нам какого-то бомжа притащила, – послышалось у двери. Медсестра пыталась втащить в палату громоздкий, гудящий прибор. – Наверное, от него и заразилась...

– А что с бомжом?

– Да что с ним станется! Прокололи антибиотики, и через три дня выписали. Пошел, наверное, бутылки собирать. А она вот... – Голос оборвался, и пауза повисла тяжелым, душным облаком.

Боль в груди постепенно отпускала. Дышать становилось заметно легче, словно грудная клетка наконец расслабилась. Тело охватило тепло – густое, пуховое, похожее на провал в бездонную перину. Ощущение было похоже на сон. Слишком яркий, слишком реальный.

Я попыталась встать, но движения давались с трудом. Это как во сне, когда пытаешься бежать: тебя сковывает, и ты как в замедленной съемке рвешься сделать еще один корявый, бессмысленный шаг...

Белая лампа теперь жутко раздражала. Я подняла голову и меня неожиданно потянуло к потолку.

Голоса людей различались снизу. Фигуры в белых халатах наклонились над какой-то койкой и взволнованно кричали друг другу. Я опустила ниже, словно ныряя, и увидела... себя.

Нет пространства, нет времени, нет реальности... Есть только парение. Бесконечное, безграничное небытие...

От невероятной легкости тело окутывает чистой эйфорией. Стоит лишь подумав, и силой мысли, в миллисекунды, меня переносит в любую точку планеты.

Вот Иерусалим: город пророков, ослепляющий золотом купола Аль-Аксы. Храмовая Гора, обнесенная высокими стенами, дремлет в вековом ожидании. Старый город заботливо укрывает невидимым одеялом путь от Львиных ворот до Голгофы.

Пустынные пейзажи сменяются снежными хребтами Гималаев. Царь-гора Эверест смотрит свысока на свои владения. Внизу, среди суеты старого города, храмы Катманду провозглашают мудрым взглядом из-под конусных шапок.

Миг – и седые кудри песчаных пляжей смешиваются с теплыми волнами, переливаясь всеми оттенками бирюзы. Океан с безграничной силой бьет о скалы бурным, белоснежным прибоем, скрывая в глубинах пестрые кораллы и стайки разноцветных рыб.

Дельфины со скоростью ветра мчатся наперегонки с волнами вдоль линии горизонта. Я смеюсь, несясь с ними в этом водном танце.

На кокосовые ландшафты опускаются бархатные крылья сумерек. Чувствуется холодный, но манящий ветер перемен...

И вот пурпурно-изумрудный водоворот северного сияния освещает скандинавские ночи. Стаи оленей, сбившись в мохнатую кучку, греются друг о друга от пронизывающей морозной стужи.

Нет боли, нет страха, нет страданий... Только звенящая ясность сознания и ощущение безвозвратного покоя.

Белые от снега деревья, будто барыни в шубах из горностая, торжественно окружали кладбище на окраине города. Злата, в черном костюме, с опухшим от слез лицом, опустилась на колени над свежей могилой, нежно поглаживая свежевскопанную землю. Она словно убаюкивала или прощалась со своей единственной семьей.

Неподалеку стоял Влас. Его серое, небритое лицо ничего не выражало, взгляд был пустым и бессмысленным. Он молча смотрел в одну точку, машинально сжимая кожаные перчатки. Люди, долго живущие вместе, невольно становятся друг другу родными. Потерять близкого человека, даже если не любишь, – всегда больно.

Священник открыл молитвенник. Тихая, нежная, как весенний ручеек, молитва постепенно перерастала в раскатистое, пронзительное песнопение. Будто тысячи колоколов перезвоном отбивали набат: ее здесь больше нет...

Странно, но люди словно не слышали этого звона. Звук колоколов становился все громче, все нестерпимей. Ритм, закручивая вихрем, подхватил меня, унося вверх.

Я улетала все выше, с каждым оборотом избавляясь от невидимой ноши, оставляя за собой все тяжести этого мира. Улетала навсегда, навстречу неизвестности...

Тепло, спокойно и безмятежно. Только тихий, ритмичный звук, напоминающий стук двух сердец, убаюкивает колыбель. Колыбель, где сон и явь слились воедино. Это колыбель моего дома – без дня и ночи.

А снаружи иногда пробивается розовый, тусклый свет и слышится чей-то нежный, смутно знакомый голос.

Я не ем, но не чувствую голода.

Я не пью, но не чувствую жажды.

Я не знаю, где я и сколько прошло времени, но так хочется вечно быть в этой теплой и умиротворенной постели.

Я очнулась от раздражающей и невыносимой боли. Спазмы и судороги скручивали тело. Колыбель билась и тряслась, засасывая в гулкий вакуум. Я пыталась сопротивляться, но боль только усиливалась.

Над макушкой показался узкий проход, в конце которого пробивался ослепительно яркий свет. Свет в конце тоннеля.

Из последних сил, задыхаясь, я машинально потянулась к этому каналу. Время тянулось бесконечно. Свет слепил глаза, становясь все ярче и ярче.

Воздуха не хватало, я судорожно глотала его, будто только что выплыла из-под воды. Тело сжимало и разжимало спазмами, меня тянуло наружу, но я все еще ощущала невидимую связь с домом, с тем, что оставляла позади.

Внезапная, резкая боль – и что-то оборвалось. В этот момент я ясно поняла: дороги назад нет. Нужно быть здесь, дышать этим чужим, непривычным воздухом.

Меня подхватили за ноги, вниз головой, и резко шлепнули по спине. Я не выдержала и закричала во все горло так, что, казалось, легкие вывернутся наизнанку.

– Поздравляем, у вас дочь! – торжествуя воскликнула моя инквизиторша, передавая меня тяжело дышавшей женщине на кушетке.

– Ну здравствуй, малышка. Я твоя мама! – прозвучал неожиданно мягкий хрип, словно сам «колыбельный дом» заговорил со мной.

– Смотри, какие у нее медные волосы! Прямо как у меня! – добавил смутно знакомый мужской голос.

– Интересно, одна прядь белая, будто седая, – мама нежно провела рукой по моим волосам.

– Амиса, у нее такой необычный цвет глаз!

– И правда, Найден. Фиолетовый? Разве так бывает?

– Да, бывает, но это не болезнь, скорее генетическая особенность, – спокойно пояснила женщина в белом халате.

– Это опасно? – взволнованно спросила мама. – Нет, можете быть спокойны. Просто редкий оттенок.

Отец слегка улыбнулся и заботливо положил руку на плечо жены.

– Ну что, как назовем ее, Найден?

Мама посмотрела на меня мягко, с теплом. Пальцы неуверенно коснулись моего крошечного кулачка.

– Как и планировали... Веря.

Глава 2. Уровень Ирда

Запах свежескошенной травы и цветущей акации, такой родной и теплый, дышал покоем. Мама расположилась на розовом пледе с голубыми бабочками, прислонившись к плечу отца. Ее безмятежная улыбка словно согревала воздух вокруг. Одной рукой она разглаживала складки на желтом сарафане, другой – нежно проводила по моему животу, как бы подтверждая: мы здесь вместе, и все в порядке.

– Какая она славная, Найден. Ножки пухленькие! Говорят, когда детки начинают ползать, потом поздно встают на ноги. Как ты думаешь? – мама улыбнулась, слегка пощекотав меня за пятку.

– Ей только восемь месяцев, Амиса. Все детки разные. Смотри, какая непоседа! Чувствую, Верея не пойдет, а сразу побежит, – отец нежно провел ладонью по моим волосам, вдохнул их аромат.

– Как ты думаешь, отнести ее к Целителям? У нее ведь тоже может быть метка, как у тебя. Чем раньше узнаем, тем быстрее начнем обучение.

Отец замер. Взгляд его скользнул по лицу жены, в нем промелькнула острая тревога. Он сжал кулаки под пледом, стараясь не выдать смятения, и еле слышно выдохнул.

– Лучше не спешить с этим, Амиса. Ты знаешь, какая сейчас идет охота на Озаренных. Отступники все еще лютуют на Ирде. Как только информация о ней просочится в сеть, вы обе будете в опасности.

– Ты прав, – Амиса поежилась. Она обхватила себя руками. – Жили себе спокойно. Откуда они только взялись?

– Мутно все с ними. Однозначно, паук, который плетет эту паутину, находится на Сервитусе. Все нити ведут туда. Планета новая, тюрьму не так давно распустили. Скрыться там проще всего.

– И что же нам делать, Найден?

– Нужно подождать, пока Ирда полностью не очистится. Насколько мне известно, к Отступникам попали списки адептов обитателей, поэтому так много погибших. Я в роду первый, моя метка не врожденная, в обители не учился. Обо мне нигде нет информации, а это значит, что вы пока в относительной безопасности.

Отец поднял глаза и мягким голосом продолжил:

– И на будущее: если со мной что-нибудь случится, тяни с раскрытием метки сколько можешь, пока не будешь уверена, что нашей дочери ничего не грозит. Когда придет время, отправишь ее в столичную обитель. Там о ней позаботятся.

– О чем ты, Найден? Надвигается что-то серьезное?

Амиса сжала мои ладошки в своих. Ее взгляд метался, словно она пыталась увидеть опасность, пока та еще не появилась. Сердце замерло от едва сдерживаемой тревоги в ее голосе.

– Пока нет. Но ты ведь понимаешь, какая у меня работа, – Найден насупился, слегка сжимая мамину руку.

– Надеюсь, обойдется, – тихо выдохнула Амиса.

Станный разговор – Ирда, Сервитус, Озаренные, метки, Отступники – лоскутками кружил в моей голове. Куда я вообще попала? Параллельный мир? Планета? Галактика?

От этого смутного возмущения я попыталась встать. Пухлые детские ножки не слушались, но я продолжала попытку за попыткой, упрямо цепляясь за папины волосы. И вот, как альпинист, я приподняла свою младенческую попу и сделала первый шаг.

– Смотри, Найден, она встала! – воскликнула Амиса.

– Я вижу... И ощущаю, – улыбнулся Найден, нежно освобождая мою ладошку из своих волос.

Мне так много хотелось рассказать им, таким счастливым и умиротворенным. Но изо рта вылетал лишь бессвязный лепет, вызывая у родителей только умиление.

Белокаменный Орбис поблескивал лазурными куполами. Воздух, свежий после недавнего дождя, наполнял легкие. Тротуары, выложенные ровной каменной брусчаткой, заполнялись спешащими по делам людьми. Окна с ярко-голубыми рамами, разукрашенные багровыми узорами пламени, отражали первые утренние лучи.

Мы с мамой шли к центральному рынку, мельком рассматривая витрины и обсуждая предстоящие покупки. От распахнутых ворот базара тянуло пряностями, специями и свежей зеленью.

Что я могу сказать с уверенностью: все рынки мира пахнут одинаково. Этот аромат, от которого быстро разыгрался бы даже самый плохой аппетит, отовсюду притягивал суетливых покупателей.

Наслаждаясь пряным, сладковатым ароматом базилика и сандалового дерева, мы медленно шли от прилавка к прилавку. Сумки постепенно наполнялись овощами, фруктами и орехами. Но тут я внезапно ощутила неприятный запах, исходящий от цветочного стола. Защемив пальцами нос, я сморщилась и зафыркала от отвращения.

– Что случилось? Опять лилии? – усмехнулась мама, ускоряя шаг, чтобы быстрее пройти мимо. – Странно, почему ты их так ненавидишь? Вроде, приятный аромат.

– Сама не знаю, мам. Прямо тошнит от этого запаха!

Между рядами осторожно крались двое парней в светло-зеленых тканых рубашках и широких брюках, постоянно оглядываясь. Один, с кофейными коротко стриженными волосами и ямочкой на подбородке, тревожно смотрел по сторонам. Рядом с ним шел смуглый, коренастый парень, ростом чуть ниже, с опаской разглядывая толпу.

Поравнявшись, парень, шедший позади, пристально посмотрел на меня, но тут же поспешил за другом. Почувствовав его встревоженный взгляд, я машинально поежилась, ощутив поблизости странное беспокойство.

На мгновение колебания в воздухе изменились: в центре рынка показалась группа людей в грязно-серых рясах, поблескивая стальными арканами.

Повсюду послышались крики: «Отступники!» Началась паника. Люди бросились кто куда, оставляя пакеты с продуктами посреди улицы.

Мама задвинула меня за спину и шепнула на ухо:

– Быстро под прилавок!

Дважды повторять мне не пришлось. Инстинктивно ощущая опасность, я юркнула вслед за ней под первый попавшийся стол, где продавался чеснок.

Наблюдая из-за шторы, я заметила, что с внутренней стороны овощного ряда гуськом крадутся уже знакомые мне парни. Открыв шторку пошире, я кивнула ребятам. Они, долго не раздумывая, скользнули под наш прилавок.

– Вы их знаете? – Мама вопросительно посмотрела на наемников в серых рясах.

– Это черные наемники. Работают на Отступников, – ответил парень, тот, что повыше ростом.

– Что им здесь надо? Они кого-то ищут?

– Они ищут нас. Но заодно могут прихватить пару Озаренных.

– Значит так, давайте туда, – кивнула мама, показывая на полупустые мешки с чесноком. – И ты, Веря, тоже.

– А я-то тут при чем? Я же не Озаренная!

– Не спорь! Быстро, я сказала!

Решив, что препираться сейчас не время, я вместе с ребятами залезла в мешок.

Рынок, минуту назад благоухавший пряностями, теперь был пропитан запахом животного страха. Удушливая, парализующая энергия накрыла нас, как ядовитый газ.

Не выдержав, я приоткрыла мешок. Наемники расхаживали вдоль рядов, поднимали шторы прилавков и наугад вытаскивали оттуда людей. Они прикладывали палец каждого человека к прибору, который издавал одинаковый раздражающий сигнал.

– Мама, мне страшно! – чуть слышно шепнула я из мешка.

Мать опустилась на колени рядом. Глаза ее наполнились тревогой и сосредоточенностью. «Я рядом. Все будет хорошо», – прочитала я в ее взгляде. Ее губы чуть дрогнули, а руки сжались в кулак на коленях – она не могла дотронуться до меня, но хотела, чтобы я почувствовала ее защиту.

Вдруг двое наемников остановились и резко приподняли шторку нашего прилавка.

– Вылезай!

– Оставьте меня, я обычная! – воскликнула мама, отчаянно пытаясь оттолкнуть нападавшего.

Наемник резко схватил ее за плечо. Она дернулась, пытаясь вырваться. Его кулак ударил в челюсть, и мама без сознания опрокинулась назад, падая на асфальт. Мужчина нахмурился, мельком скользнул взглядом по ее телу и ловко приложил палец к прибору.

– В базе нет! – равнодушно вымолвил он. – Может, заберем? Смотри, ничего так!

– Давай! – Второй наемник попытался взвалить маму на плечо.

Я застыла на месте, сердце бешено колотилось. Дыхание перехватило от ужаса, смешанного с яростью.

– Не трогайте ее! – вырвалось из меня, и я бросилась из мешка. Изо всех сил вцепилась зубами в руку наемника, пытаясь остановить его.

– Ах ты, рыжая тварь! – взвизгнул он.

Пытаясь отцепиться, наемник резко дернул меня за волосы. Прядь моих медных волос оказалась в его ладони. Я громко закричала от боли.

Внезапно из мешков одновременно выпрыгнули парни, сбивая с ног наемников. Они подхватили меня под руки и что есть силы рванули в сторону ворот рынка.

– Там мама! – попыталась вырваться я, оглядываясь назад.

– Нужно отвлечь их, – шепнул коренастый парень, ускоряя бег.

Наемники бросились за нами. Они уже почти настигли нас недалеко от ворот, как с другой стороны улицы появились Хранители.

Увидев красные мундиры, они, словно тараканы, бросились в разные стороны. Но каждый выход оказался перекрыт. Короткая схватка закончилась быстро.

Рынок наполнился гулом: крики, топот, спотыкающиеся фигуры. Целители в синих формах прорезали толпу, проверяя людей на наличие ранений. Хранители же шли следом, заглядывая под прилавки и допрашивая свидетелей, собирая пазл из хаоса.

Я выбралась из толпы и тут заметила среди них отца.

– Папа! Мама все еще там! – вырвалось у меня. Голос дрожал, на зубах скрипела пыль. Я глубоко вдохнула, глотая запах чеснока, пропитавшего одежду.

Отец быстро окинул взглядом ситуацию и без слов передал меня другим Хранителям. Он уже хотел броситься к рынку, как увидел маму, которую Целители несли на носилках.

– Мама! – воскликнула я. Она осторожно помахала нам.

– Со мной... все хорошо, не переживайте, – попыталась она нас успокоить. – Просто нужно в больницу.

– Я тоже еду. Веря, давай, садись в шаттл, а я помогу маме.

Мы уже почти тронулись с места, когда я заметила знакомых парней.

– Идан! Гор! Что вы здесь делаете? – окликнула их светловолосая женщина в синем мундире.

– Тетя Шифа, наемники следили за нами с восточного берега. Мы решили скрыться на рынке. Здесь людно, думали, они не рискнут, – ответили они, перебивая друг друга.

– Оборзели вообще, уже среди бела дня на людей кидаются, – возмутилась она. – Давайте со мной, отвезу вас в Обитель.

Гор и Идан кивнули мне на прощанье и отправились вслед за тетей Шифой. Наш шаттл тронулся подальше от злополучного места.

– Как ты, малыш? – отец ласково провел рукой по моим волосам.

– Все хорошо, папа. Вы их поймали? – спросила я, пытаюсь удержать голос от дрожи.

Он улыбнулся. Глаза были усталые, но спокойные.

– Да. В этот раз всех. – Он слегка сжал мою ладонь. – Ты молодец у меня. Продавщица чеснока рассказала, как ты вцепилась зубами в наемника, а двое парней сбили их с ног.

Я невольно покраснела от стыда и гордости одновременно и отвела взгляд.

– Где они, кстати?

– Они уехали с одной Целительницей. Наемники за ними охотились.

Отец нахмурился, сжав челюсть, словно принимая на себя тяжесть произошедшего.

– Понятно, – кивнул он.

– Пап, их еще много?

Он сжал мои плечи на мгновение – тихо, по-отечески – и в его глазах вспыхнула твердость.

– Немало. Но я обещаю: переловлю их всех до одного, чтобы больше никто не смел прикасаться к нашей семье. Ты мне веришь?

– Да. Я тебе верю.

Глава 3. Тени Сервитуса

Темнота сгустилась, и я почувствовала, как холодный каменный пол уходит из-под ног. Вдали громыхали невидимые шаги. Мелькали лица знакомых людей, но их глаза были пусты, а движения походили на отработанные жесты марионеток.

Между колоннами, тянувшимися ввысь бесконечно, проскользнула тень. Я хотела закричать, но звук застрял в горле. Только мелкая дрожь пробежала по телу. Перед глазами вспыхивали обрывки прошлого: рыжие кудри девочки, лицо женщины с усталыми глазами, капли воды, мерно падающие в невидимую пустоту.

Все было знакомо и чуждо одновременно. Память шептала тайну, которую я не могла уловить. Сердце колотилось в груди, оставляя после себя холод тревоги. Ощущение, что кто-то наблюдает, не отпуская даже сквозь сон.

Тени вокруг колыхались. Казалось, сами стены поднимались и сгущались. Вдруг в темноте перед глазами появилась тень с ровной, беззубой ухмылкой. Она приближалась, но движения казались странно замедленными, как будто пространство вокруг искажалось. Громкий, резкий всхлип сорвался с моих губ, превращаясь в крик.

– Веряя! – Голос отца разорвал утреннюю тьму. Он уже стоял рядом, крепко, но мягко удерживая мои плечи. – Все хорошо, я рядом. Ты в безопасности.

Дыхание постепенно вернулось в норму, дрожь ослабла. Тревога таяла, но я еще несколько мгновений ощущала густую, липкую тяжесть сна, пытавшуюся заползти под кожу.

– Завтрак готов. Идем на веранду. – Отец поправил мои растрепавшиеся волосы. – Ждем тебя.

Он вышел, оставив меня одну. Хотелось быстрее спуститься, но странное чувство заторможенности сковывало. Сон казался болезненно реальным, словно фрагмент давних воспоминаний. Лица, тени, капли – все было знакомо, но память упорно молчала. Где-то в глубине сознания прятался ответ, который я не могла достать.

Легкое дрожание после кошмара оставалось в руках, но я заставила себя переодеться.

Сосны, подрагивая от ветра, разносили по округе смолистый аромат хвойного леса. Семья уже расположилась на веранде, вдыхая запах свежей сдобы, доносившийся из кухни.

Отец, нахмурившись, накрывал на стол чайный сервиз. Солнечные лучи играли в его медных кудрях. Даже издали было ясно: я – папина дочка. Вот только его глаза не такие странные, как мои фиолетовые, а кофейные с золотистыми искрами. У Златы же все наоборот: золотистые локоны от мамы и папин цвет глаз.

Мама, румяная от жара, вышла из кухни с подносом. Плюшки и пирожки лежали на нем горкой, наполняя воздух теплым, уютным запахом.

На кресле у окна Злата уже вовсю ерзала, пытаясь привлечь к себе внимание. Сестра то сгибалась вперед, то откидывалась назад, золотые кудри мягко подпрыгивали у неё на плечах. Глаза её блестели – как всегда, когда родители собирались сказать «что-то важное».

– Найден, ты что-то задумчивый сегодня. Тебя что-то беспокоит? – с тревогой в голосе спросила мама, расставляя тарелки.

– Да, по работе, Амиса. На Сервитусе творится странное. Люди заключают трудовые контракты, а потом... Они не возвращаются, – задумчиво произнес отец.

– То есть... пропадают? – Мама невольно сжала поднос.

– В том-то и дело, что нет, – Отец глубоко вздохнул, опуская взгляд. – Примерно раз в год они связываются с близкими. Говорят, что у них все хорошо. Небольшие денежные суммы от их зарплат продолжают поступать на счета Ирда.

– Так в чем странность? Я не понимаю... – Голос мамы дрогнул.

– Я просмотрел несколько таких видео, – он нахмурился, подбирая слова. – Лица людей там, на Сервитусе... как бы застывшие. Говорят на автомате, как роботы. И у всех – записанный страх. Чего они боятся? Почему никто никогда не возвращается?

– Совсем никто? – Мама чуть сжала губы, оглядывая веранду, словно пытаюсь ухватиться за мысль. – Ты же сам говорил, что конгрессмены Совета Конфедерации – частые гости на Сервитусе.

– И не только, – Отец покачал головой. – Кое-кто из элиты Орбиса тоже. Не могут вернуться именно наемные работники. Все, кто подписал трудовой договор.

У меня в груди странно сдавило от неприятного предчувствия. Я тихо стиснула руки на коленях, стараясь не издать ни звука.

– Действительно странно... И что ты намерен делать? – Мама чуть наклонилась к отцу. В ее глазах сквозила тревога.

– Я отправлю на Сервитус кого-то из моих людей. Не официально, а наемниками по договору, – промолвил отец твердо, избегая ее взгляда.

– А если они не вернуться? – Пальцы мамы, сжимающие край подноса, побелели.

– Тогда мне придется отправиться самому, – ответил он. Его голос стал чуть мягче, чуть более уязвимым.

– Но, Найден... – попыталась возразить мама.

– Это моя работа, Амиса. Я должен разобраться. Я чувствую: там что-то нечисто. А интуиция меня ни разу не подводила.

Мягкий свет голограмм мерно играл на витринах и макетах древних экспонатов. Учитель шел впереди, поправляя прядь седых волос, и указывал на вращающиеся модели планет над головой.

Голограммы тихо мерцали, отражаясь в полированных плитах пола. Воздух пах старым камнем и холодным, озонированным металлом. Где-то в глубине зала раздавался гулкий, низкий звон, будто кто-то коснулся огромного стеклянного купола.

На мгновение я представила, как эти витрины пережили сотни лет, войны, катастрофы, смену эпох. Ощутила странную гордость: все это – хрупкая нить нашей памяти.

Я машинально протянула руку – и одна из голограмм вспыхнула, словно отозвалась на касание. Модель планеты чуть изменила цвет, линии засветились мягким синим блеском.

– Осторожнее, – предостерег учитель. – У этой проекции необычная настройка: она реагирует на эмоциональные импульсы.

Моя ладонь отдернулась, как от ожога. Но синее свечение еще долго мерцало, не желая отпустить.

– Это наша планета Ирд, – произнес он. – Здесь умеренный климат, два континента – Восточный и Западный, соединенные проливом Ирос. – Его палец коснулся другой голограммы. – В нашей звездной системе двенадцать планет, четыре из которых обитаемы: Ирд, Нивеум, Калдиум и Сервитус. Считалось, что на заре времен планеты соединяли не порталы, а Темные Блики. И пройти через них могли только Озаренные.

– А что с этими бликами стало? – спросил кто-то из учеников.

– Они исчезли, – ответил он тихо. – Как исчезает все, к чему мы прикасаемся слишком жадно.

Мой взгляд невольно задержался на Сервитусе. Пустынные равнины, огни фабрик, стылый, угрожающий свет. Что-то в ее облике было тревожно знакомым, как забытая мелодия из сна.

– Сервитус, – произнес учитель, словно подслушав мои мысли. – На этой планете когда-то была тюрьма, теперь это промышленный и сельскохозяйственный центр.

От знакомого названия болезненно сжалось внутри. Отец. Три года – ни письма, ни голоса. Только тишина.

Я почти не слышала слов учителя. Звуки отражались от каменных стен, теряясь под куполом. Мой взгляд блуждал по макетам: фигурки людей, караваны, города на песках... Где он сейчас? Под тем же небом, или этот макет – все, что осталось от его мира?

В этот момент одна из голограмм замерцала и дрогнула, будто на мгновение потеряла питание.

– Учитель, – тихо сказала я, – кажется, с проектором что-то не так.

– Ничего, просто перегруз, – отмахнулся он, не глядя.

Но я видела: в том дрожащем свете мелькнула фигура – едва различимый силуэт, словно отблеск от далекого костра.

– А теперь смотрим сюда, – сказал учитель, подводя нас к модели межпланетного портала.

– Почему порталы, а не корабли? – спросила я, не удержавшись.

– Когда-то мы использовали корабли, – задумчиво ответил он, – но из-за астероидных поясов перелеты стали опасны. Поэтому появились порталы. – Он прищурился. – А откуда ты о них знаешь?

– Из музея, – выдохнула я, соврав. Внутри тут же вспыхнула досада: ну вот, блеснула умом. Еще чуть-чуть – и сама бы себя выдала.

– Хм. Похвально! – протянул учитель, но в голосе скользнуло что-то осторожное, будто он приглядывался.

Перед нами ожил макет древнего Ирда: над голограммой вздымались прозрачные города, по небу пролетали старинные дирижабли, а потом все рушилось – голограмма показывала катастрофу, после которой наступила новая эра.

– Это Великий Раскол, – сказал учитель. – После него и появились Озаренные.

В этот момент, пока остальные слушали, я заметила у дальней стены парня в длинном плаще. Он стоял в тени, чуть в стороне от экскурсии, будто не принадлежал ни группе, ни месту, и смотрел на голограмму Сервитуса. Что-то в этом насторожило: взгляд был слишком сосредоточенным, как у человека, знающего больше, чем должен.

Когда я моргнула, фигура исчезла, растворившись в толпе посетителей. Я встряхнула головой, пытаясь прогнать наваждение, но внутри росло беспокойство. Слово что-то собиралось произойти.

Внезапно резкий гул тревоги прорезал воздух. Пол дрогнул. Голограммы замерцали и рассыпались искрами.

Вспышка! Крики, ударная волна. Стекло треснуло, витрины рухнули. Мир превратился в ослепительный хаос.

Я оцепенела. Сердце метнулось в груди, как пойманная птица.

Чья-то сильная рука резко потянула меня в сторону. Сквозь клубы пыли я увидела того самого человека из тени – и теперь он был рядом.

Второй взрыв ударил ближе. Парень прижал меня к себе и толкнул под укрытие массивного экспоната космического корабля.

– Держись! – крикнул он.

Его плечи заслонили весь свет. Мир сузился до запаха пыли и его легкого аромата цитрусов и мускуса.

Он дышал часто, но спокойно – будто привык к подобным ситуациям. На его лице не читалась паника, только тихая решимость.

В воздухе стоял привкус озона и горелого металла. Я всмотрелась в парня: серые глаза, волнистые каштановые волосы, ямочка на подбородке. Взгляд у него был настороженный, странный, будто он видел не меня, а тень из прошлого.

– Ты в порядке? – Его голос звучал неестественно мягко.

– Да... Спасибо, – выдохнула я. – Кто это сделал?

– Отступники, – бросил он коротко, оглядываясь.

Красные силуэты Хранителей уже мелькали среди руин. Парень тоже заметил их – его взгляд на мгновение стал серьезным. Но вместо того чтобы скрыться, он коротко кивнул им едва заметным движением, будто все происходящее – часть заранее известного плана. А потом развернулся и растворился в клубах дыма.

– Стой! Ты ведь... – начала я, но он уже исчез.

Вокруг царила суматоха: Целители спешили к раненым, раздавались стоны, запах крови смешался с едкой пылью. А я все стояла, не в силах двинуться: Кто он? Почему Хранители не остановили его? Он – Озаренный?

Когда тревога стихла и нас начали выводить из зала, я снова посмотрела на полуразрушенную голограмму Сервитуса. Теперь в ее мерцающем песке я видела не просто планету, а тень, шагнущую мне навстречу.

Глава 4. Обитель

Центральный парк Орбиса, расположенный напротив главной площади, дышал изумрудными красками, возвращая городу жизнь. Небольшое озеро, как островок, притягивало свежестью и прохладой. Влажный клочок земли окружали поляны, усеянные пестрыми цветами, вокруг которых роем кружили пчелы и порхали радужные бабочки.

Люди, утомленные июльской жарой, прятались в тени от беспощадных лучей солнца. Очередь лениво тянулась от большого театра до самого тротуара.

Почти целый час мы стояли в тени зданий проспекта, терпеливо ожидая, когда Злату вызовут на пробы в театральную школу. Мама уже третий раз не оставляла попытку сделать из моей сестры кинозвезду.

Сестра относилась к будущей карьере без особого энтузиазма. Мне иногда казалось, что она пока сама не знает, нужно ли ей это. Но матери старалась не перечить. Надо, так надо.

Легкий прохладный ветерок приятно охлаждал кожу. Прилипшая к телу одежда взмокла от липкого пота. Во рту пересохло, от жажды и духоты кружилась голова.

– Мам, сейчас там все равно перерыв. Можно я где-нибудь куплю воды, пить очень хочется? – начала спрашивать я. – Я недолго.

– Ладно, иди, и нам со Златой купи.

Летний парк заботливо укрывал в тени уютные деревянные скамейки. Вдохнув воздух, пропитанный ароматом жасмина и чайной розы, я неторопливо направилась к кафе. Кто-то спешил на обед, кто-то просто медленно брел по мощеным аллеям среди аккуратных клумб.

Навстречу мне шел молодой мужчина, разговаривая с кем-то через Ракушку. Ракушка – альтернатива мобильной связи на Ирде, наушник, по форме напоминающий слуховой аппарат.

Мне показался смутно знакомым этот голос. Голос с легкой хрипотцой. Человек был одет в темно-бежевую льняную рубашку и свободные брюки, подпоясанные синим поясом. Его обувь напоминала римские сандалии из коричневой кожи, доходящие до щиколотки. Небольшой шрам, похожий на след от ожога, сползал от левого уха до скулы.

Легкий холодок подкрался под одежду. Я на мгновение застыла от волнения: мне все это показалось слишком знакомым.

Я машинально побрела вслед за ним. Мужчина направлялся к зданию в центре парка. Мы обогнули тыльный фасад с внутренним двором, по бокам которого до самой крыши тянулись две симметричные лестницы.

Внутри меня все застыло, будто удар током – память вспыхнула, ослепила. Это место... я помню его. Да это же... Клуб Моряков! Как он мог оказаться здесь, в этом мире?

Ускорив шаг, я поспешила следом за исчезнувшим в здании мужчиной. Высокий холл встретил меня приятной каменной прохладой. Вдруг он, убавив шаг, внезапно остановился.

– Зачем ты следишь за мной, девочка? – строго спросил он.

От его голоса мое тело покрылось гусиной кожей. Этот слегка натужный, сиплый тембр не спутать ни с кем. Это был человек, спасший мне жизнь дважды – сшив меня заново по кускам, а потом вытащив из болота депрессии.

– Доктор Вит? – неуверенно спросила я.

– Доктор Вит? – переспросил мужчина, в его голосе появилась настороженность. – Почему доктор? Откуда ты меня знаешь?

– Я... Я не знаю, – растерялась я. Мне нечего было ответить.

– Меня зовут мастер Вит. Я – декан факультета Целителей. Ты находишься в Обители Орбис. Как тебя зовут?

– Меня зовут Веря.

– Веря, почему ты решила, что я доктор?

– Ну, как вам сказать... Мне показалось, – попыталась я выкрутиться, но он словно зафиксировал невидимыми тисками мой взгляд.

– Очень странно... – Он задумался. – Ты действительно меня знаешь. Но проблема в том, что я тебя не помню. А память у меня хорошая. Идем-ка ты со мной, Верея. Я хочу познакомить тебя с мастером Даном. Мастер Дан – декан факультета Хранителей. Не бойся, это Обитель, здесь никто не причинит тебе вреда.

Мы поднялись на второй этаж и вошли в небольшой, полупустой кабинет, напоминающий по минимализму японскую гостиную.

За столом сидел седовласый, коренастый мужчина в такой же одежде, как и мастер Вит, но только с фиолетовым поясом. У него было загорелое, круглое лицо с ямочкой на подбородке. Он взглянул на меня своими свинцовыми глазами настолько пристально, что я невольно поежилась. Будто отсканировал, как интроскоп на таможне. Несмотря на это, рядом с ним я подсознательно ощутила себя в безопасности.

– Мастер Дан, эту девочку зовут Верея. Она «узнала» меня. Но я совершенно не имею представления, кто она. Что скажешь?

Мастер Дан напрягся и внимательно всмотрелся в мое лицо.

– Откуда ты знаешь мастера Вита, Верея? Только честно, это важно.

Под его взглядом я ощутила себя так, словно ко мне приставили детектор лжи. Врать было бесполезно. Он, скорее всего, уже давно все знал и спрашивал для профформы.

– Я когда-то знала мастера Вита. Он спас мне жизнь, – выпалила я на одном дыхании.

– Тебе? – Нахмурил лоб мастер Вит, пытаюсь вспомнить. – Когда это произошло?

– Как вам сказать... Это сложно объяснить. Я сама пока не во всем разобралась. Мне иногда кажется, что я живу вторую жизнь, причем первую очень хорошо помню.

Деканы переглянулись и удивленно уставились на меня.

– Даже так! И зовут тебя Верея? А ты знаешь, что означает твое имя, девочка? – поинтересовался мастер Дан. Его глубоким, но в то же время теплым голосом можно было отогреть руки после мороза. – «Верея» на древнеирдском означает «привязанная». Разве это случайно, как ты думаешь?

– Возможно... – Я попыталась связать эту информацию, но пока получалось плохо.

– Я понимаю, что ты нам не доверяешь. Но дело в том, что я знаю, кто ты, – Мастер Дан медленно облокотился на спинку кресла.

Он на несколько секунд прикрыл глаза. Даже с закрытыми веками он излучал бешеную энергию. Будто тень скалы застыла на миг, скрывая от постороннего мира вихрь урагана, грозящий снести полмира.

– И кто же я? – выдавила я, когда декан Хранителей открыл глаза.

– Ты – Привязанная. Так называют людей, которые помнят предыдущую жизнь. Это большая редкость в нашем мире. И, как правило, они – Озаренные.

– Озаренные? – опешила я.

– Верея, Озаренные – это люди с особым даром. Они делятся на Хранителей и Целителей. У каждого человека в районе горла есть метка, цвет которой может определить только Целитель. Цвет метки означает направление дара. Так вот, у Хранителей метка красного цвета, у Целителей – синего.

Его слова зазвенели внутри головы гулким эхом. Все это звучало так неправдоподобно, будто из сна, в котором границы реальности стираются. Хотелось что-то сказать, но язык словно прилип к небу.

– То есть, метки бывают только у Озаренных? – уточнила я наконец, с трудом заставив голос звучать ровно.

– Не совсем так, – продолжил мастер Дан. – У обычных людей тоже бывают цветные метки. Желтой обладают люди, рожденные с талантом к искусству. Зеленая метка означает

способности к науке, коричневая – к спорту. Чем ярче метка, тем больше талант. Развить врожденный дар может как обычный человек, так и Озаренный. Но еще есть обладатели черной метки, Верея. Это Отступники, отвернувшиеся от света.

– А как понять, какая у меня метка?

– Посмотри ее, Вит, – попросил мастер Дан.

Мастер Вит подошел ко мне.

– Верея, я сейчас ладонью дотронусь до твоей шеи. Это не больно, ты согласна?

– Да, мастер.

Он протянул руку и большим пальцем дотронулся до горловой впадины, прикрыв глаза.

– Невероятно! – воскликнул он, удивленно посмотрев на меня. – У нее фиолетовая метка!

– И что это означает? – я удивленно уставилась на него.

– Это означает, Верея, что у тебя очень редкий, двойной дар Целителя и Хранителя.

От информации, неожиданно свалившейся на меня, я опустила голову и крепко прикрыла глаза. Фиолетовая метка? Я – Озаренная? Сразу вспомнились разговоры отца с матерью, рынок, когда мама заставила меня спрятаться в мешок с чесноком. Она знала. Знала и ничего мне не говорила. Но почему?

– И что мне теперь делать?

– Учиться. В нашей школе есть два факультета для Озаренных. Учтывая твой цвет метки, ты можешь поступить на любой.

– А как поступить в Обитель? Экзамены? Это платно?

– Озаренные – редкость в нашем мире, нас становится все меньше. Из-за Отступников наших детей стараются не регистрировать, а иногда и вовсе скрывают их происхождение, выдавая за обычных людей. Поэтому правительство не только не берет оплату за обучение, но и платит приличную стипендию. А вступительных экзаменов в Обители нет. Метка и есть твой экзамен, – пояснил мастер Вит.

– Слишком всё гладко, – мелькнула мысль, но я тут же отмахнулась от неё, как от назойливой мухи.

– Сколько тебе лет? – поинтересовался мастер Дан.

– Семнадцать.

– Значит, ты перешла в последний класс средней школы, не так ли?

– Да, мне остался год.

– Верея, я хотел бы переговорить с твоими родителями. – Взгляд декана стал задумчивым, будто он в этот момент принимал важное решение.

– Мастер, моя мама с сестрой стоят в очереди у здания столичного театра.

– Отлично. Зайди ко мне, Скриб, – попросил мастер Дан, нажав на Ракушку.

В кабинет вошел долговязый, худощавый парень с каштановыми волосами, зачесанными назад и заплетенными в тугую косу.

– Вы звали меня, мастер Дан?

– Скриб, у театра в очереди стоит женщина с ребенком, мама и сестра этой девочки. Как маму зовут, Верея?

– Амиса.

– Пригласи их к нам, у меня к маме разговор. Да, и скажи, что ее старшая дочь здесь.

Спустя некоторое время в кабинет вошла встревоженная мама с притихшей Златой. Мастера представились и предложили им сесть на мягкий кремовый диван. Кивнув им, Амиса ничего не сказала, но посмотрела на меня пронзительно, словно решала, как поступить. Я ожидала выговора, но мама просто молча смотрела.

– Добро пожаловать в Обитель, Амиса, – обратился к маме мастер Дан. – Вы в курсе, что Верея Озаренная?

– Да, мне известно об этом, – спокойно ответила мать, незаметно сжав ладони в кулаки. Даже на расстоянии я чувствовала ее сильное волнение.

– Амиса, у вашей старшей дочери очень сильный дар. Обычно он передается по наследству. В вашей семье есть Озаренные?

Мама вздохнула и опустила голову. Она несколько секунд молча сидела, сжимая и разжимая ладони, но затем, очевидно, решившись, ответила:

– Мой муж, Найден. Он Хранитель. Работал на Конфедерацию в секретном отделе.

– Почему работал? Вашего мужа нет в живых? – изумленно спросил мастер Вит.

– Неизвестно, что с ним. Несколько лет назад он уехал на Сервитус по работе и не вернулся, – вздохнула мама.

– На Сервитус? – переспросил он. В его голосе чувствовалась явная досада и сожаление.

Мама молча кивнула. В кабинете на мгновение повисла тяжелая тишина.

– Амиса, скажите, а у вашего мужа метка была врожденная или приобретенная?

– Приобретенная. У наших дочерей – врожденные. Когда начались похищения, мы с мужем решили не проверять у детей метки, чтобы они не попали в базу. Найден считал, что таким образом они будут в безопасности.

– Что же, решение было правильное на тот момент. Я постараюсь по своим каналам кое-что узнать о вашем муже. Кстати, давайте посмотрим, какого цвета метка у вашей младшей дочери. Как ее зовут?

– Злата.

– Злата, подойди, пожалуйста. Мастер Вит, прошу вас...

Мастер Вит наклонился к Злате. Сестра, прищутив глаза, слегка запрокинула голову, поправила ладошкой золотистые кудри и широко улыбнулась мастеру своей самой коронной улыбкой.

– Новость хорошая! – радостно воскликнул мастер Вит. – Очень четкая синяя метка с проявленными контурами!

– А что это означает? – заинтересовалась сестра. От волнения ее щеки еще больше залились румянцем.

– Это значит, ты – Целитель! И сможешь учиться в Обители. А после окончания научишься находить причину болезней и спасать людям жизнь!

– А животным могу?

– И животным тоже, – усмехнулся мастер Вит.

– Злата, ты их и так спасаешь! – напомнила я.

– И я не удивлюсь, если узнаю, что они быстро выздоравливают, – подмигнул он.

– Это мы все давно заметили, – подтвердила мама.

– Амиса, а давайте я и вас посмотрю! – предложил мастер Вит.

– Меня... – Мама явно растерялась. – А давайте! – Она под села поближе к мастеру Виту.

– Интересно... – цокнул языком он. – Амиса, у вас желтая метка, не очень яркая, но четкая. У вас врожденный, но пока неразвитый талант к искусству. Вы пробовали себя в каком-то творчестве?

– Нет, не пробовала... – Мама удивленно посмотрела на него.

– А зря! Попробуйте, у вас обязательно получится.

– Веря, – неожиданно сменил тему мастер Дан. – У тебя очень красивые браслеты. Ты сама их плетешь?

– Да, мастер.

– Значит, тебе нравится плетение? – задумчиво произнес мастер Дан, стуча пальцами по столу, затем добавил в Ракушку: – Скриб, если мастер Стора у себя, позови ее ко мне.

В дверь зашла хрупкая, маленькая женщина в привычной уже бежевой форме мастеров с красным поясом. Ее шоколадного цвета волосы были уложены в замысловатый низкий пучок с вплетенными разноцветными косичками.

Мастер Стора опустилась в кресло с грациозной мягкостью и сложила на коленях ладони с узкими длинными пальцами, унизанными кольцами. Потом подняла на меня взгляд – слегка оливковый, раскосый, с тем восточным изяществом, от которого трудно было отвести глаза.

– Что случилось, Дан?

– Стора, ты все еще ищешь подмастерью?

– Да.

– Веря, познакомься – это мастер Артефактологии. Если хочешь, она может научить тебя создавать артефакты. Всегда пригодится. До начала обучения в Обители можешь по вечерам приходить к мастеру Сторе. Что скажешь?

– Мне бы хотелось, – обрадовалась я, косо поглядывая на маму.

– Вы не против, Амиса?

– Нет, мастер, пусть учится.

– Вот и хорошо. А теперь, давайте обсудим будущее ваших дочерей.

Глава 5. Подмастерье

Парк Обители заботливо укрывал от жары последнего летнего месяца небольшие группы новичков. Почти все деревянные столы были заняты, и я подошла к трем ребятам – один из них что-то живо рассказывал, активно жестикулируя.

– Можно к вам? А то все столы заняты, – обратилась я к ним.

– Конечно, садись, – кивнул один из них, подвинувшись. – Так вот, я о чем... Нас вели до восточного берега. Мы с братом пару раз отрывались, но они каждый раз настигали. Тогда решили – нужно к центру, в людное место, там Хранителей больше. Забежали на рынок, а они за нами. И тут девчонка одна, рыжая такая, с вот такими фиолетовыми глазами, машет нам из-под прилавка. Мы к ней – а там мешки с чесноком. Она нас туда и спрятала. А чеснок запах перебивает – с ними Нюхач был. Но не повезло: мать ее схватили, а девчонка за ней и как цапнула одного за руку! Мы выскочили и потащили ее с собой. А тут и Хранители подоспели...

– И что потом? – спросил другой парень. – Девчонка куда делась?

– Отец ее пришел. Мы с Иданом почти сразу уехали. Жалели потом, что не успели попрощаться.

Я удивленно приподняла брови. Он ведь говорит обо мне? Неужели помнит?

– Извини, ты не Гор, случайно? – осторожно спросила я.

– Гор. А ты откуда знаешь? – удивился он.

– Вы меня тогда и спасли, – улыбнулась я, ощущая, как ностальгия смешивается с легким волнением. – Девчонка с рынка – это я.

Он замер на мгновение, затем глаза у него округлились. – Серьезно? – Голос дрогнул от удивления. – Вот это да! Вот Идан обрадуется! – Гор наклонился ко мне, словно хотел убедиться, что это правда. – Как тебя зовут?

– Верея.

– Верея... Красивое имя.

Гор кивнул, его глаза заблестели, в голосе послышался восхищенный тон. – Так ты тоже Озаренная! Я ведь сразу подумал – тебя мать тоже спрятала. А ты не знала?

– Нет. Узнала недавно. Случайно, – сказала я, слегка покраснев.

Он подсел чуть ближе. В его взгляде читался открытый интерес и любопытство.

– Какая у тебя метка, Верея?

– Фиолетовая.

– Что?! – Он чуть не выронил кружку. – Вот это да! Тебе ведь можно выбирать! Уже решила?

– Еще нет, – улыбнулась я. – Думаю. Пока меня взяли к мастеру Сторе. Подмастерьей. На следующий год видно будет.

– К Сторе? – Он вскинул брови. – Она классная. Тебе повезло.

– Надеюсь, – кивнула я, подымаясь. – Кстати, а где твой брат?

– К вечеру подойдет. Рад был снова встретиться, Верея.

– И я. Спасибо, Гор. Если что – найду тебя.

Я попрощалась и направилась к мастерской.

Из кабинета мастера Сторы доносился густой запах кожи, свежей выпечки и горького кофе с шоколадом. Мастерская была заставлена стеллажами, книжными полками и деревянными столами. Все это напоминало скорее мастерскую средневекового сапожника, чем высокотехнологичную лабораторию артефактологии.

– Здравствуйте, – вошла я, осторожно постучав.

– А, Верея, проходи, я сейчас закончу.

Мастер Стора, будто дирижер, грациозно взмахнула руками над комплектом бус и браслетов из разноцветных камней. Закрыв глаза, она улыбнулась так, словно ей это доставляло неопишное удовольствие.

– Ну вот и все. У тебя, наверное, есть вопросы ко мне?

– Да, мастер. В чем заключается моя работа?

Мастер поправила волосы и жестом пригласила присесть на кресло.

– Ты ведь умеешь делать бижутерию?

– Да, есть небольшой опыт.

– Мне нужны браслеты и колье, на подобии вот этих, – Мастер показала мне несложные изделия из кожи и паракорда. – Будем вместе плести основы, украшать камнями, и, в зависимости от заказа, я их буду заряжать. Ты только что видела, как. Платить буду за каждую вещь отдельно. Не переживай, в обиде не оставлю.

Я взяла один из браслетов, провела пальцем по гладкой коже, чувствуя легкое тепло от вплетенного камня. Любопытство пересилило осторожность.

– Мастер Стора, а почему вы стали мастером артефактологии, а не Хранителем? Извините, если вопрос не совсем тактичный.

Мастер на мгновение сменила выражение лица, но тут же снова улыбнулась.

– Ничего, Верейя. Мы ведь вместе работать будем. Я и сейчас Хранитель. Метку не изменишь. В срочных случаях я помогаю Конфедерации, – Мастер на секунду задумалась. – Понимаешь... Несколько лет назад со мной случилась трагедия, и мне пришлось долго восстанавливаться. Поэтому мастер Дан пригласил меня в Обитель. Место Артефактологии было свободным.

Я опустила взгляд. В глазах мастера мелькнула тень – короткий сбой, будто за ней скрывалось нечто большее.

– Мастер, а вам нравится ваша работа?

– Да, Верейя, как ни странно. Каждый раз, когда я заряжаю оберег или амулет, я отдаю частичку себя. Все мои изделия – это защита, поэтому во время зарядки я испытываю радость. А когда отдаешь, то всегда взамен получаешь больше. Со временем у меня открылся дар видеть чувства других людей.

– Как это?

Мастер Стора прикрыла глаза и улыбнулась, словно что-то вспомнила. Глаза ее светились заботой и нежностью. Поправив идеально уложенные косы, заплетенные в низкий пучок, она произнесла:

– Когда маленькие мальчики радуются, у них над головами обычно появляются маленькие звездочки или искры, а у девочек – бабочки или цветы. Каждый раз я смотрю на человека и вижу его эмоции. И не перестаю удивляться. Мы так похожи друг на друга, и все же такие разные.

– Здорово! А у взрослых как?

– Тоже. У женщин обычно ее любимые цветы, сердечки или замысловатые узоры. Здесь все индивидуально – кто чем живет. У мужчин – геометрические фигуры с более точными контурами.

– Как интересно! А как я радуюсь, мастер, можно посмотреть?

– Конечно, можно! Это мы сейчас проверим.

Мастер Стора встала на стремянку и достала оттуда деревянный ящик, полный разных украшений. Слегка поразмыслив, она вытащила небольшую бархатную коробочку и извлекла оттуда сережки с синими камнями.

– Это тебе, Верейя, подарок. Тут вставлен сапфир. У него много разных свойств, потом считаешь, но основное – он помогает раскрыть силу.

– Это мне? За что? – Я не смогла сдержать искреннего удивления.

– Просто так. Носи на здоровье.

Теплая волна радости разлилась по телу, и я невольно захлопала в ладоши, как ребенок, получивший долгожданный подарок. Стора, заметив мою реакцию, засмеялась вместе со мной.

– Какая красота! У тебя алые снежинки. Так необычно, снежинки ведь кристальные, а у тебя золотисто-красного цвета. Я ни разу не видела ничего подобного. Такое вот тепло зимы...

– Спасибо большое, мастер Стора, – поблагодарила я. – Я всегда буду их носить.

Время пролетело незаметно. Я аккуратно сложила инструменты, оглядела кабинет и с улыбкой направилась на ужин в столовую.

В длинном коридоре со сводчатыми потолками, подпираемыми резными колоннами, прозвенел гонг – занятия закончились. Из классов высыпали адепты в белых льняных костюмах, немного похожих на кимоно, с поясами красного или синего цвета.

В столовой пахло свежим хлебом и парным молоком. Первокурсники, важно поправляя пояса, рассаживались за длинные деревянные столы с подносами.

Выбрав запеканку и малиновый компот, я обернулась, чтобы найти пустой столик. И в этот момент буквально врезалась в спину здоровенного парня. Поднос с грохотом выскользнул из моих рук. Брызги малинового компота осыпали белоснежную форму адепта. Я замерла, готовая к разносу, но парень лишь растерянно поднял брови.

– Прости, пожалуйста, я нечаянно, – прошептала я.

– Ничего, бывает, – спокойно выдохнул он.

Подобрав с пола поднос, он осторожно собрал осколки посуды и выбросил в мусорное ведро. А потом молча вышел из столовой. Я настолько онемела, что так и осталась стоять, как вкопанная, посреди зала.

Через несколько минут адепт вернулся. Его чистая форма с красным поясом почти облегла крепкое, загорелое тело. Слегка вьющиеся каштановые волосы до плеч поблескивали в лучах вечернего солнца. Высокие скулы очерчивали лицо, придавая ему выражение отрешенности. Казалось, в его темно-серых глазах отражался покой и некая расслабленность, но в то же время веяло печалью. И еще я заметила небольшую ямочку на подбородке. Он показался мне мучительно знакомым.

– Ты, наверное, голодная. Поужинаем? – спросил адепт, улыбнувшись, слегка обнажая белые, как мел, зубы.

– Я уже поужинала, – вздохнула я.

– Ничего страшного, можешь взять еще. Обитель не разорится, поверь мне. Что ты будешь?

– Запеканку. Без малинового компота...

Парень усмехнулся, молча взял два подноса и наполнил их почти всеми блюдами, что были на раздаточном столе. Я вопросительно посмотрела на него.

– Я просто жутко голодный, забыл пообедать сегодня. Идем, вон там место освободилось. Кстати, я – Идан. А тебя как зовут?

Услышав имя, я замерла на месте. Идан... Брат Гора? Я взглядела в его лицо. Эти глаза, ямочка на подбородке... И этот запах... Я бы узнала его из тысячи – цитрус, смешанный с теплым мускусом. Неужели это он? Сердце застучало быстрее, и легкая дрожь пробежала по рукам.

Я осторожно приподняла брови, пытаюсь понять: действительно ли это совпадение или судьба.

– А я – Верея... – проговорила я, едва слышно, не осмеливаясь встретиться с его взглядом.

Идан наклонился чуть ближе, глаза блестели, на лице играла теплая, спокойная улыбка. Он словно чувствовал мое внутреннее смятение.

– Рад познакомиться, Веря.

Я едва заметно улыбнулась. Воспоминания всплывали одно за другим: рынок, где из мешка торчали его вихры; музей, где он прикрыл меня от падающих плит. Его уверенность, взгляд, то странное чувство безопасности рядом с ним... Все это и удивляло, и невольно притягивало.

– Ты чья-то гостья, Веря?

– Нет, я работаю подмастерьей у мастера Сторы. К сожалению, смогу начать учебу в Обители только в следующем году. Я еще не окончила среднюю школу.

– Я рад, что ты будешь учиться у нас. Обитель Орбиса – лучшая.

– А ты, Идан?

– Я учусь на факультете Хранителей.

В столовую зашла группа адептов, о чем-то оживленно споря. Услышав знакомый голос, я обернулась. Гор, увидев меня, замахал рукой и направился к нашему столу.

– Идан, я смотрю ты уже познакомился с нашей спасительницей, – подмигнул он мне, присаживаясь рядом.

– Спасительницей? – не понял Идан, недоуменно посмотрев на меня.

– Ну, помнишь рынок, когда мы пацанами были, от Отступников скрывались? Рыжая девчонка с фиолетовыми глазами, чесночный прилавок? Ее мама нас еще тогда в мешки спрятавала...

– Это ты? – Идан нахмурился, всматриваясь в меня. На мгновение в его взгляде мелькнула растерянность, но потом глаза широко распахнулись, и на лице появилась узнающая улыбка. – А я-то думаю, почему лицо такое знакомое! – Он тихо рассмеялся, чуть покачав головой. – Мы ведь потом тебя везде искали.

Он на секунду задумался, словно возвращаясь к тем событиям, и добавил уже мягче: – Через несколько недель после рынка отец увез нас на Нивеум – там тогда было безопасней. Ты ведь тогда не знала, что Озаренная, да?

– Нет, это выяснилось случайно. Значит, вы братья?

– Да, но не кровные, мы росли вместе, – спокойно ответил Гор.

– Кровные, не кровные, какая разница, – Идан положил руку на плечо Гора.

– Идан, я хотела у тебя спросить... Ты помнишь, пару лет назад был взрыв в музее. Ты случайно не был там?

Он на мгновение замер, нахмурился, будто вглядываясь сквозь время.

– В музее? – тихо повторил он. – Был.

Я почувствовала, как ладони вдруг похолодели. – Там, – я сглотнула, – ты ведь прикрыл меня. Когда потолок обрушился.

Он вдруг посмотрел на меня иначе – пристальнее, глубже. Взгляд прояснился, в нем появилась сосредоточенность.

– Подожди... – Он чуть подался вперед. – Это была ты? Девчонка у витрины, вся в пыли... Я помню, схватил тебя, а потом – вспышка, гул, Хранители... – Он на секунду прикрыл глаза, словно проживая тот момент заново.

– Значит, это действительно ты... – прошептала я, чувствуя, как внутри все переворачивается. – Мы с тобой уже дважды встречались, и оба раза ты меня спас.

Идан улыбнулся, но в его глазах мелькнуло что-то более глубокое – смесь облегчения и тихого удивления.

– Кстати, а что ты делал в музее?

– Был на задании. В музейный макет подложили бомбу. Вычислили в последний момент... Хорошо, что никто не погиб. – Он на мгновение замолчал, будто пытаясь прогнать это воспоминание, и взгляд его стал мягче. – Значит, будем учиться вместе. А у тебя какая метка, Веря?

- Фиолетовая.
- Фиолетовая? – Идан удивленно посмотрел на меня. – Ничего себе! Прямо как у отца!
- Идан, а кто ваш отец, если не секрет? – любопытствовала я.
- Да нет, не секрет, мы – сыновья мастера Дана.

Глава 6. Узлы

Прошло несколько недель с тех пор, как я начала работать у мастера Сторы. Артефакты сильно отличались от обычной бижутерии – плетение было сложнее, требовало терпения и абсолютной сосредоточенности. Стора показала мне сначала простые узоры, с которыми я справлялась быстро, и постепенно заказы становились все сложнее. С каждой новой работой я ощущала, как растет уверенность в руках и в себе, хотя плечи порой ныли от напряжения.

Когда я завершила очередной заказ и уже собиралась уходить домой, по Ракушке пришло сообщение: мастер Дан ждал меня в своем кабинете.

Сердце подпрыгнуло. Я не знала, о чем будет разговор, но с каждым шагом все сильнее надеялась услышать хоть что-то об отце.

– Вы меня звали, мастер?

– Да, Верея, заходи, садись. Я хотел бы с тобой поговорить.

Мастер Дан, как обычно, сидел за зеркально чистым столом, читая толстую, пыльную книгу в кожаном переплете.

– Я навел справки о твоём отце.

В груди забилось что-то странное – смесь тревоги и мучительной надежды.

– Он жив? – вырвалось у меня. Голос дрожал, хотя я старалась его сдерживать.

– В том-то и дело, что не ясно. Задание по какой-то причине сорвалось. Он исчез почти сразу после прибытия на Сервитус. Из отдела с ним тоже никто не может связаться.

– И что же нам делать? – спросила я, чувствуя, как надежда медленно тает, а на смену ей приходит горькое разочарование.

– Официальная версия – пропал без вести. Но у меня есть другая информация: твоего отца очень качественно подставили. Я сожалею, Верея. Надеюсь, он все еще жив.

– И ничего нельзя сделать?

Мастер Дан облокотился на кресло и сжал губы, словно пытаясь принять какое-то важное решение.

– Верея, на Сервитусе в последнее время творятся странные дела. Действительно, люди либо не возвращаются, либо странным образом пропадают. Несколько раз туда отправлялась комиссия из Конфедерации, но без толку. Нарушений не установлено.

– Может быть, плохо искали?

– Я скажу тебе, девочка, даже больше: только делали вид, что искали. Как по мне, Конфедерация все обстоятельства старательно прикрывает. Зачем я это тебе говорю? Чтобы ты самостоятельно не пыталась отправиться на планету.

– Почему вы так думаете?

– Потому что мне тоже когда-то было семнадцать лет. Тот возраст, когда кажется, что можешь изменить любое событие. Но это только так кажется.

– Мастер, а что бы вы делали на моем месте? – задумалась я.

– Ждал удобного момента. Не продавливал ситуацию, если в данный момент ничего не можешь изменить.

– Опять ждать! – вздохнула я. Я и так всю жизнь живу в режиме ожидания под названием «поскорей бы»: поскорей бы вырасти, поскорей бы закончить школу, поскорей бы съехать из родного дома.

В комнате воцарилось молчание. Решив, что наш разговор окончен, я уже собралась встать, но мастер остановил меня.

– Верея, я позвал тебя не только по этому. Мне бы хотелось узнать вкратце о твоей прошлой жизни.

– Зачем, мастер?

– Поговорить о тебе. О твоей судьбе.

– То есть?

– Привязанные к памяти никогда не появляются просто так. Должны быть какие-то ситуации из твоей прошлой жизни, связывающие тебя с настоящей. Как мастер Вит, например. Так тебе легче будет определиться с предназначением и исправить или изменить обстоятельства, если потребуется. Расскажи мне о своей прошлой жизни.

– Ну, хорошо... Я родилась на планете Земля. У меня была мама, ее тоже звали Амиса. Она умерла от рака за пять лет до моей смерти. Была младшая сестра, ее тоже звали Злата. Еще... Я окончила факультет древних языков, но по профессии никогда не работала. Последние пятнадцать лет я была замужем. Мы с мужем расстались незадолго до моей смерти.

– А во сколько лет ты умерла на Земле? – Мастер посмотрел на меня с легким любопытством.

Я глубоко вздохнула, сердце сжалось от воспоминаний.

– В моей прошлой жизни я умерла в сорок лет от вирусной инфекции.

– На Земле умирают от вирусной инфекции? – удивленно переспросил он.

– Иногда умирают... – Голос дрожал, воспоминания о болезни и бессилии нахлынули на меня. – У меня началось осложнение – воспаление легких.

Мастер склонил голову, внимательно наблюдая за мной.

– А седая прядь, Верейя, это краска?

Я коснулась волос, легкая грусть прошла по груди.

– Нет, мастер. Я родилась с ней. Эта прядь появилась после пожара на Земле...

– После какого пожара? – Мастер выпрямился и внимательно посмотрел на меня.

От его взгляда я невольно поежилась. Рассказать? А что я, собственно, помню об этом? И почему он им так интересуется? Как пожар может быть связан с Ирдом? Но я понимала: если кто-то сможет ответить на мой вопрос, то это он – декан Хранителей Обители Орбис.

– Это было лет за двадцать до моей смерти, – сказала я тихо. – Злата тогда поступала в театральную школу, а денег катастрофически не хватало. Мама уговорила меня взяться за работу в особняке – платили щедро, почти слишком. Нас привезли поздно вечером, угостили чем-то... и дальше – пустота. Я очнулась уже после пожара. Особняк сгорел дотла, в живых осталась только я. Меня нашли недалеко от дома, с тяжелыми, колотыми и резаными ранами, еле дышащую. Долгое время я провела в больнице. Мастер Вит был тогда моим врачом. Он буквально склеил меня по кусочкам.

– Значит, выжила только ты, Верейя? А что-нибудь об особняке еще известно? Кто был его хозяин?

– Полиция говорила, что его арендовали на липовый паспорт, ну... на фиктивные документы.

– А кто такая полиция?

– Это типа Хранителей, мастер.

– Ладно, вернемся к пожару. Значит, совсем ничего не помнишь... Может, какие-то обрывки, видения, сны?

– Сны... – задумалась я. – Мне уже две жизни подряд снится один и тот же сон: лицо мужчины с жуткой безгубой ухмылкой, низко склонившееся надо мной. Даже не ухмылка, а ровный штрих на лице, будто рта нет совсем, только темная щель...

– Что ты чувствуешь в это время? Какие возникают эмоции?

– Страх. Липкий, глубокий, сковывающий тело страх.

– Глубокий страх? – переспросил мастер, опрокидываясь на спинку кресла. – Это уже что-то! Понятно теперь, почему твоя память стерла этот эпизод из твоей жизни. Знаешь, Верейя, я должен тебе рассказать кое-что о нашей особенности. У Озаренных есть не только метка, есть еще и сила, которая открывается только после того, как развяжутся Узлы.

Опрокинувшись спиной на кресло, я на секунду зависла в мыслях. Метка, узлы...

– Мастер Дан, что такое Узлы?

– Узел – это внутренний конфликт, духовный изъян, чрезмерное скопление негативных мыслей. Пока не развяжутся эти узлы, ты не сможешь полностью использовать свою энергию.

– И у меня они тоже есть?

– Да, Верейя. Они есть почти у всех Озаренных. И основная наша задача – развязать их.

– А можно определить, что за узлы?

– Да. С учетом, что ты Привязанная и несешь на себе память двух жизней, тебе придется сложнее. В твоём энергетическом поле их целых три.

– Вы их видите?

– Да, и очень четко. Первый – Узел Обиды. Второй – Сильная привязанность к мужчине. Третий – Узел Страх. Давай начнем с первого. Как ты думаешь, Верейя, на кого больше всего держишь обиду?

Я на мгновение замаялась, внутри клубилась горькая злость.

– Не знаю... – тихо выдохнула я. – Наверное, на того маньяка, что изуродовал меня в прошлой жизни...

– Не думаю, ты ведь не помнишь, что произошло. Должен быть конкретный человек, которого ты знаешь. И потом, у тебя была бы злость, месть, страх, но не обида. Он же тебе не на ногу наступил. Возможно, это родной человек. Обычно самые близкие люди ранят больнее всего. Может быть, это отец или муж?

Я задумалась и вспомнила моего отца. Здесь, на Ирде, он не дал мне ни единого повода, чтобы на него можно было обидеться. А муж из прошлой жизни? Я на него обижена? Нет, это чувство на обиду не похоже. Утрата, сожаление, разочарование – да, но только не обида.

– Нет, мастер, не думаю. На отца я не в обиде. Если бы смог, он обязательно дал бы о себе знать. Муж из прошлой жизни тоже вряд ли. Несмотря на то, что он бросил меня, я не испытываю к нему обиду. Тут другое... Иногда мне кажется, что я до сих пор ощущаю с ним связь.

– А может, сестра? Ты говорила, что деньги для ее поступления пришлось зарабатывать тебе. И это чуть не стоило тебе жизни.

– Нет. Однозначно нет, – твердо возразила я. – Она тут ни при чем и ничего не знала. Мы тогда всем сказали, что я попала в аварию.

– Мама?

– Мама... – вздохнула я, на мгновение прикрыв глаза. В голове мелькнули обрывки прошлого. Моя жизнь на Земле, где я прожила чьей-то тенью, где постоянно прогибалась под чужие капризы... Сердце сжалось от боли и злости – как будто весь мир был несправедлив именно ко мне. Глубоко вздохнув, я попыталась совладать с внутренним протестом.

– Подумай над этим, Верейя, – тихо произнес мастер Дан, словно уловив мое смятение.

Я кивнула, хотя в груди все еще бурлило – обида, гнев, раздражение.

– Мастер, а почему мы не ладим с ней здесь, на Ирде? Я иногда не могу понять, зачем она на меня все время злится. И каждый раз на пустом месте. Ведь мама не помнит прошлую жизнь...

– Думаю, твоя мать подсознательно чувствует вину перед тобой – и не только в этой жизни. Ты для нее постоянное напоминание об ошибке. К тому же ты внешне похожа на отца – это усиливает ее реакцию, – спокойно объяснил он.

Я сжала кулаки. – Мастер Дан, почему тогда именно я должна ее прощать? Она делает мне больно. Она – мать, я – ребенок. Почему не наоборот?

Мастер глубоко вздохнул, откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня так, будто искал самые нужные слова.

– Обиду испытываешь ты, а не тот, кто причинил боль. Обида – эгоистичное чувство: это наш внутренний протест, когда ожидания не оправдываются. Человек заикливается на ней, раздувает жалость к себе и строит вокруг нее барьер. В итоге страдает прежде всего он сам.

– Значит, кто угодно может поступать со мной как хочет, а я должна молчать? – Мой голос слегка дрогнул.

– Нет, – Мастер помахал ладонью в воздухе. – Границы нужно уметь отстаивать – это один из первых навыков. Обижаться или нет – твой выбор. Что касается справедливости – она восстановится, если не в этой жизни, то в другой. Но глубокая обида – это медленно действующий яд, он разрушает и того, кто обижается, и того, на кого направлен гнев. Ты действительно хочешь этого для своей матери?

– Нет, конечно, – вырвалось у меня, и в груди потеплело от ужаса перед самой мыслью.

– Тогда постарайся понять ее, – сказал он мягче. – Узнай ее прошлое, попробуй докопаться до причины. Никто не срывается просто так – за этим всегда стоит страдание. Если ты сумеешь отыскать ее боль, тогда и сможешь найти причину, чтобы оправдать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.